

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Левон Казарян

Вопросам «психологической» или «информационной» войны (а более прозаически выражаясь – спецпропаганды) в XX веке начали уделять повышенное внимание. Психологические операции вошли в военные уставы. Однако за модными методиками семиотической манипуляции потерялись вопросы о лингвистическом значении и внешнеполитическом смысле того, что несколько самонадеянно именуют «психологическим оружием».

Тем не менее, эти вопросы имеют прямое отношение к продуцированию текстов внешнеполитической пропаганды, во всяком случае, для мирного времени. С одной стороны, очевидно, что следует учитывать особенности языкового восприятия того контингента, на который эти тексты транслируются. С другой – инвентаризация соответствующих языковых структур, если она удастся, позволит унифицировать и в значительной степени автоматизировать составление внешнеполитических комментариев. А это привело бы к заметному снижению удельных затрат на оплату труда аналитиков и экспертов.

Для начала нужно разобраться с тем, что представляет собой любое оружие, будь оно столь экзотическим, как «психологическое». **Суть оружия – подготовка мгновения.** Ведь применение оружия означает создание такой ситуации, в которой атакуемая сторона пропускает удар. Этот последний момент и есть *мгновение* – нерасчлененная действительность, затмевающая восприятие. Здесь не так важно, причиняет ли оружие тем самым гибель или только парализует, временно выводит из строя противника, или на каком уровне восприятия оно действует – психомоторном или мыслительном.

Определение оружия акцентирует не только и не столько материальные приспособления, сколько ментальные структуры и поведенческие навыки. В свою очередь, они, как показывают психофизиологические исследования, связаны с выработкой внешнеполитической *ориентации*, носящей в первооснове своей смысл пространственной фокусировки внимания и чувства дистанции. В этом плане психологическим является не само оружие, но

его применение. Бывает психологическое, «внушительное» оружие, потому как всякое оружие несет собою внушение. Ему присуще очарование, где смешаны любопытство и страх, сопровождающие избирательность и дистанцирование как средства созидания формы. Притягательность опасности в мире становится опасной притягательностью в оружии. Доблесть предшествует блеску оружия побеждающего страх в бою. Покоряет не бесстрашие, а страх, движущий бесстрашного. Он подсказывает ему самообладание, которое причастно поэтическому благоговению, как внутренней сдержанности перед самодовлеющим ликом бытия. А покоренному внушает пиетет перед внешним господством, без которого мятеж неизбежен.

То, что обособляют как «психологическое оружие», есть умение отодвинуть свой страх на расстояние большее, нежели видимость противника. Это – лишение противника его собственного страха визави, с заменой на превосходящий свой, однако вынесенный в его тыл, вызывая оглядку как опрокидывающий момент. Поэтому материальным выражением психологического оружия является демонстративное проникновение в глубокий тыл, будь то действия сил спецназначения, обстрелы или бомбардировки.

Тем самым, расходование психологического оружия сводится к присвоению затопляющего радостью любопытства себе, вытесняя противника в рыхлый, запоздалый и невнятный, короче – непродуктивный страх. Цель состоит в том, чтобы погрузить супостата (буквально – супротив стоящего) в анестезию тихого ужаса, как заполняющего ощущение своей неважности для исхода борьбы. Это ощущение свидетельствует, что визави нуждается в более сильном противнике, чем теперь удалось ему обрести. Заставляя мыслить о более сильном противнике для визави, оно приводит его к идентификации с тем, на войну с кем он было воздвигся.

Страх составляет подлинный тыл – неделимость бытия как уединенность субъекта. Тем самым, подмена страха подрывает дееспособность как различение, нуждающееся в отправном пункте. Если меч рассекает противника, то утрата противником собственного страха препятствует рассекать. Причем не только противнику препятствует рассекать (или обрекает рассекать воздух), но и препятствует рассекать его. Как поется в одной песне: *«Победитель будет прав, проигравший – просто жив».*

Это означает, что психологическое оружие – обоюдоостро. Насколько оно ослепляет противника, настолько тот блекнет, пропадая из виду применяющей стороны. Презрение и превосходство может превратиться в недопустимое игнорирование и пренебрежение. Проникновение в тыл врага приводит к тому, что и он оказывается в тылу наступающих сил. Именно

психологически, из-за внутренней неустранимости игнорируемого результата – величайшего любопытства к небытию, он получает возможность поселиться и начать доминировать там. Следовательно, психологическое оружие не может руководствоваться самоцелью уничтожения, избывания противника, но должно служить методом коммуникации с ним. Психологизм оружия состоит в том, чтобы убедить: ярость к противнику как душману не просто отрицает его, а подчиняет яркости бытия. Подготовка внимания врага приводит к тому, что и он сам оборачивается оружием в руках сильнейшего. Требуется обострить и облегчить восприятие у врага, – памятуя заповедь, что его нужно любить, – а не заглушить свое собственное восприятие геббельсовской трескотней.

Лингвистические конструкции, выражающие избирательность внимания и (динамическую) дистантность субъекта, непосредственно обуславливают внешнеполитический аспект восприятия в сфере языкового мышления. Эти конструкции есть *падежи*. «Пространственные значения, выражаемые падежом, организованы в систему по двум основным параметрам – двигательному и ориентирующему»; «существуют стандартные способы падежного выражения различных пространственных значений, ролей ..., инструмента и др.» [1, с. 356].

Соответственно, залогом естественного для носителя языка восприятия внешнеполитической экспрессии текста служит распределение этого текста по всему спектру имеющихся в данном языке падежей. В идеально-типическом случае комментарий должен состоять из столько фраз, сколько падежей отмечается в языке. Приведу пример из армянского.

Первая фраза оперирует **Именительным, Ուղղակի** падежом (кто? что?). Она содержит краткую сводку комментируемой ситуации, предмет или информационный повод комментария, «текст» актуального события.

Следующая фраза выражает **Родительный, Մեղակի** падеж (кого? чего?), преподнося исторический экскурс (по убыванию силы связи – ассоциацию, аллюзию), «контекст» ранее предложенного вниманию события.

Дательный, Տրակի падеж (кому? чему?) подразумевает указание на более конкретного субъекта или политическую тематику, которым адресован «вызов», проистекающий из рассматриваемого события, скажем – на его значение именно для Армении. Слушателя или читателя приглашают «почувствовать себя на месте» принимающего вызов субъекта, мысленно идентифицироваться с ним, мобилизоваться.

Винительный, Հարկակի падеж (кого? что?), передает глагольные влияния на кого-либо или что-либо: «Он обозначает всякое отношение существи-

тельного к глаголу вообще во всех его вариантах, за исключением отношения подлежащего к своему сказуемому» [2, с. 182]. Тем самым, на существительное падает некоторое ролевое значение. По смыслу вменения, этот, так сказать, «подозрительный» падеж отлично подходит для рассуждения о том, чья вина, кто враг в данной ситуации, короче – как персонифицируется угроза.

Отсутствующий в русской грамматике **Отложительный**, *ფუგუნული* падеж (от кого? от чего?) несет некое «послание»: будь то четкое пророчество (стратегический прогноз), либо интуитивно-размытую тенденцию, резонанс, понятие об источнике смысла или субстанционального значения.

Творительный, *ჭარბული* падеж (кем? чем?) содержит инструментальные значения, обрисовывая открывающуюся возможность, в частности – угадывая друга или выдвигая к верификации ситуативный прогноз.

Предложный, *სტრატეგიული* падеж (о ком? о чем?) относится к социализации дискурса, охватывая предназначенные к циркуляции запросы, намеки и рекомендации, скажем – направляемые правительственной инстанцией.

В итоге падежная расшифровка внешнеполитического комментария (относящегося к началу 2002г.) может принимать следующий вид.

Падеж	Фраза	Падежное значение
Имен. <i>სიყ.</i>	Парламент Грузии почти единодушно проголосовал за вывод из Абхазии российских миротворческих подразделений, находящихся там по мандату СНГ и с одобрения ООН, желая заменить их многонациональными силами.	событие
Род. <i>სიყ.</i>	Это не первая попытка грузинского истеблишмента удалить российские воинские подразделения как раз из тех конфликтных районов, где он рассчитывал восстановить территориальную целостность Грузии их руками.	тенденция опрометчивости
Дат. <i>სრული.</i>	Тем не менее, другие мировые силы всегда избегали давать Грузии свои самостоятельные гарантии в этих вопросах.	отсутствие существенного вызова
Вин. <i>სიყ.</i>	Возможно, что намерение убрать со сцены разъединительные силы СНГ исходит от тех правящих кругов Тбилиси, которые хотели бы путем развязывания военных действий добиться упрочения своих внутриполитических позиций.	виноваты внутриг- зинские распри?
Род. <i>სიყ.</i>	Из этого, однако, может вытекать и противоположное следствие: в условиях наступающей дестабилизации умножение количества грузинских претензий к России будет находиться в обратной пропорции к вероятности их удовлетворения.	последствия могут быть обратны намерениям
Твор. <i>ჭარბ.</i>	На этом фоне Грузия может реализовать угрозу выхода из СНГ, что, впрочем, может содействовать его большей консолидации.	СНГ лучше без Грузии?
Предл. <i>სტრატ.</i>	Практическое отсутствие заинтересованной реакции международных структур на силовые действия Грузии может быть расценено в руководстве Армении как молчаливое приглашение азербайджанским войскам и бакинским политикам к реваншу в Карабахе.	переадресация МИД Армении

Этот подход представляет спецпропагандисту ряд преимуществ.

Во-первых, он выявляет положительное свойство оружия – быть, в первую голову, средством жизни – внешнеполитической коммуникации, и лишь затем – страхом смерти. Он и строг, и свободен, вариативен. Применяясь к языковому мышлению целевой аудитории (а именно к ее стереотипам восприятия пространственной динамики, если можно так выразиться, психомоторному каркасу действия), он максимально устраняет препятствия трансляции своего взгляда на события. Это означает отнюдь не только то, что изложение мимикрирует, позволяя своим установкам проскальзывать в чужое сознание в привычных тому формах. Гораздо важнее, что такой «перевод» внешнеполитического послания позволяет целевой аудитории проявить максимальную избирательность внимания.

Ссылаясь на психодинамические конструкторы ее дееспособности, привязывая свои тезисы и маркировки к ее «лучам», можно сделать комментарий максимально прозрачным, то есть минимально агрессивным, предоставляющим целевой аудитории возможность взять из содержания ровно то, что она в данный момент готова взять. В этом и состоит свобода коммуникации, не стремящейся манипулировать аудиторией как раз потому, что не боится спонтанного проявления ее реакции. Такая коммуникация снимает барьеры восприятия, но не принуждает. Встроенные в сами падежные структуры вопросы прокламируют открытость бытию. Поскольку манипулятивная интенция все равно угадывается и закладывает недоверие, вызывает внутреннее сопротивление сообщаемой точке зрения, в этом подходе соблазн манипуляции подвергнут техническому ограничению.

Во-вторых, он диктует отношение к комментарию как к *одной из* действительных интерпретаций событий, внятных целевой аудитории. Тем самым, он максимально настраивает составителя именно на коммуникацию с нею, а не на нетерпеливое навязывание. Комментарий оказывается вспышкой смысла в фокусе лучей ориентационной, поисковой активности. И при этом метод позволяет прочувствовать бесчисленное множество фокусов, возможных в задаваемом языковыми конструкциями хронотопе действия (в особенности с учетом его «кристаллической» репликации). Соответствующее возрастание внутренней свободы комментатора придает его продукту мощь, которая и оказывает самое неуловимое и обезоруживающее воздействие на аудиторию.

В-третьих, овладение навыком составления комментария в манере за-

полнения падежного «бланка» делает эту работу конвейерной, лишает комментатора ореола корифея, раз в неделю роняющего свое единственное мнение. Становится ясно, что изменение в одной лишь первой падежной фразе – несколько иная формулировка события – ведет к совершенно другому комментарию. Спецпропагандист или маститый эксперт, привлекаемый к этой работе, научается отличать свое драгоценное мнение от текущего комментария, как единицы ментального послания, своего рода боеприпаса. Причем на простом техническом уровне, примерно так, как различаются алгоритм решения задачи и его запись на том или ином языке программирования. В результате, от него можно требовать больше комментариев за умеренную плату и получить большее разнообразие в эфире, услаждающее слух целевой аудитории. Это сулит экономический эффект.

В-четвертых, соблюдение единого методического принципа позволяет на разовой основе привлекать к комментаторской работе максимально широкий круг экспертов, разнообразя впечатления и осмысления событий. Поскольку форма заполнения комментария предполагает лаконизм, то комментарий эксперта может как задействоваться в данном виде, так и с легкостью использоваться спецпропагандистским аппаратом как полуфабрикат, исходя из своих критериев. Какие-то падежные фрагменты могут модифицироваться, не меняя всего построения.

В-пятых, можно рассчитывать, что комментарий, опирающийся на грамматические категории, легче проникнет в речевое общение, станет предметом дискурса целевой аудитории.

В-шестых, в тактическом плане фейерверк комментариев в связи с одним информационным поводом напоминает артиллерийский беглый огонь и позволяет, при необходимости, резко интенсифицировать спецпропагандистскую работу, построив ее в режиме «стрельбы по площадям», по аналогии с системами залпового огня или объемно-детонирующими зарядами. Это может служить предпосылкой достижения лучшего взаимопонимания военного командования и спецпропагандистского аппарата.

В-седьмых, спецпропагандист, чей язык содержит больше падежей, нежели язык целевой аудитории, может постепенно задействовать их в комментариях, приучая ее мыслить хронотоп в своих категориях.

Безусловно, предлагаемый подход требует дальнейшей шлифовки, имея в виду как чисто лингвистические вопросы, типа количества и соответ-

ствия «внутренних» и грамматических падежей данного языка, так и стыковки с другими сюжетными средствами: например, видеорядом.

Данный метод был мною апробирован в Армении на телеканале «Прометей» (ныне – «А2»), в новостной службе под руководством Арама Сафаряна, которому я приношу свою благодарность. Всего в 2002–2003 гг. было выпущено в эфир 14 комментариев.

Источники и литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. Пауль Г., Принципы истории языка. М., 1960.